

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/43/8

О.А. Богданова

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ГЕРМАНИИ¹

Особое внимание в статье уделено интерпретации концепта «земля» у Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского в литературно-критическом и историко-философском дискурсе идеологов немецкой «консервативной революции» А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера, Т. Манна. В связи с этим рассмотрено участие Мережковского в «Полном собрании сочинений» Достоевского в Германии (1906–1919), а также издание ряда его оригинальных произведений в переводе на немецкий язык в мюнхенском издательстве «Пипер» в первой трети XX в.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, «консервативная революция», А. Мёллер ван ден Брук, О. Шпенглер, Т. Манн, издательство «Пипер», «земля».

До сих пор отсутствует «полный перечень написанного и опубликованного Мережковским <...>» [1. С. 5] не только на родном языке, но и в переводах на языки иностранные. В частности, нам неизвестна даже приблизительная библиография изданий Мережковского на немецком языке, хотя писатель-символист много и успешно публиковался в Германии в первой трети XX в. Выдающимися немецкими авторами (А. Мёллер ван ден Брук, Т. Манн, Г. Гейм и др.) неоднократно отмечено влияние, которое оказали на них его работы. Данная статья не стремится представить полную картину присутствия Мережковского в немецкоязычной культурной среде, так как для ее воссоздания требуется комплексное и масштабное исследование. Ее цель гораздо скромнее: осветить сотрудничество известного русского символиста с *одним* из немецких издательств первой половины XX в. – «Пипер-ферлаг» – и указать на *один* из аспектов влияния его изданий на немецкую культурфилософскую мысль 1910–1920-х гг. – рецепцию концепта «земля».

Хотя Мережковский печатал свои сочинения в нескольких немецких издательствах, «Пипер-ферлаг» занимает, пожалуй, первое место в деле продвижения его творчества в Германии в 1900–1930-х гг. Причем интерес к Мережковскому и его идеям возник на родине Ф. Ницше в русле увлечения Ф.М. Достоевским и его «революционным» романом «Бесы». Именно работы Мережковского о Достоевском, особенно о соотношении его идей и образов с русской революцией 1905–1907 гг., привлекли внимание немецкой интеллигенции и к оригинальному творчеству талантливого интерпретатора великого писателя.

Начало германской известности Мережковского связано с изданием в 1903 г. на немецком языке в лейпцигском издательстве Шульце его книги

---

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

«Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902)¹. Здесь писатель-символист впервые высказал свое понимание концепта «земля», восходящее к Достоевскому. Оно было обусловлено идейно-мировоззренческим заданием автора: именно в объединенном исповедании дохристианской Матери-сырой земли и христианской Богородицы, услышанном им в речах Хромоножки, увидел Мережковский сущность проповедуемого им самим и предсказанного, по его мнению, Достоевским «нового религиозного сознания». Последнее, по Мережковскому, заключало в себе единство языческой «Святой плоти» и сугубого спиритуализма «исторического христианства», материальности и духовности, эллинства и христианства – в новой синтетической религии Святого Духа и «Святой плоти». Поэтому в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» образу Хромоножки было придано значение, явно превышавшее его сюжетно-композиционный масштаб в произведении Достоевского. Хромоножка выдвинулась в один ряд с такими героями, как Макар Долгорукий, старец Зосима и Алеша Карамазов. По мысли Мережковского, в них реализовывалось «религиозное ясновидение» [2. С. 244] писателя-пророка. Образ Марьи Лебядкиной трактовался критиком исключительно апологетически: она – воплощение земли, а «целование земли» и есть глубочайшее откровение подлинного учения Христова, суть которого – в слиянии «тайны земной со <...> звездною», в обретении «земли небесной и неба земного» [2. С. 259]. Таким образом, укрупнение образа Хромоножки по сравнению с его реальным местом в романе Достоевского связано с главной мыслью Мережковского – о необходимости синтеза христианства и язычества в «новом религиозном сознании» [2. С. 246].

В отличие от софиологов Вл.С. Соловьева, Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова, считавших «падшую» эмпирическую землю лишь искаженным модусом ее первоначального софийного совершенства (см.: [3; 4; 5]), Мережковскому была присуща тенденция «отрицания» наличной, «ветхой» земли, характерная для ряда литераторов Серебряного века (Подробнее см.: [6]). Писатель нередко создавал образы так называемой «злой» земли, препятствующей духовным поискам «человека культуры». Например, в главах романа «Петр и Алексей» (1905), посвященных раскольникам-самосожженцам, «старая, языческая земля» [2. С. 259] предстает как «наваждение бесовское» [7. Т. 2. С. 654]. Герой-богоискатель Тихон Запольский, подобно Алеше Карамазову, молится земле, целует землю, чтобы обрести Бога, силу жить и действовать, но, в отличие от героя Достоевского, не находит искомого. Каждый раз после «кошунственной», по авторской оценке, молитвы «сырой Земле Матери» Тихон встречает Софью как олицетворение этой земли. Уже накануне саможжения Софья и земля, укрывающая их чету высокими травами, вся природа – сливаются для него воедино: «...ему казалось, что лес и трава, и земля, и воздух, и небо – все горит огнем последнего пожара, которым должен истребиться мир, – огнем красной смерти. Но он уже не боялся и верил, что краше солнца Красная Смерть» [7. Т. 2. С. 672]. Если у Достоевского земля всегда была воплощением настоящей, полной, реально существующей правды о жизни («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и др.), то у

---

¹ Пер. с рус. Карла Гутшова.

Мережковского, как видим, совсем не так. Потому и у хлыстовской богородицы Акулины Мокеевны перед преступным жертвоприношением младенца голос «глухой и таинственный, как будто говорила сама “Земля-Земля, Мати сырая”» [7. Т. 2. С. 739]. В то же время «на одном из собраний Религиозно-философского общества Мережковский сказал, что земля есть место подготовки не только для неба, но и для новой, справедливой жизни на земле» [8. С. 394], т. е. утвердил ее хилиастическую ценность. Госка по «святой земле, святой плоти» [9. С. 149] одушевляет, в частности, статью «Пророк русской революции» (1906). А в одной из публицистических работ, вошедших в сборник «Больная Россия» (1910), – «Земля во рту» – земля понята им исключительно как «могильная», удушающая дух стихия [10. С. 199]. Из приведенных примеров вырисовывается неоднозначное, дихотомическое отношение Мережковского к земле: отрицательное – как к языческой данности, враждебной подлинной культуре и потому подлежащей уничтожению в очистительном апокалипсическом огне «религиозной революции»; положительное – как к хилиастическому «стану святых» (Откр. 20: 8), как к модификации «Святой плоти» в чаемом синтезе язычества и христианства грядущего Третьего Завета – царства Святого Духа.

Обратимся к истории издания в «Пипер-ферлаг» первого Полного собрания сочинений Достоевского на немецком языке. В 1905 г. А. Мёллер ван ден Брук – немецкий историк, критик, публицист, будущий идеолог «консервативной революции» и автор одиозного сочинения «Третий рейх» (1923), проживавший в то время в Париже, – убедил начинающего мюнхенского издателя Р. Пипера в перспективности выпуска Собрания сочинений Достоевского. Вскоре после начала издания Мёллер заручился поддержкой Мережковского как знатока творчества русского гения. 16 (29) сентября 1906 г. автор «Л. Толстого и Достоевского» писал вдове писателя из Парижа: «<...> в Германии выходит новое великолепное издание Достоевского – и я участвую в этом издании» (цит. по: [11. С. 247]). Д.В. Философов, также первоначально привлеченный к пиперовскому проекту, высылая ей проспект начавшегося издания, подробно описал историю зарождения этого важнейшего для продвижения Достоевского на Запад предприятия¹ в письме Анне Григорьевне из Парижа от 19 октября (1 ноября) 1907 г.: «Дело было так. Прошлой осенью (т.е. в 1906) явился к нам в Париже немецкий критик Moeller van den Bruck с предложением принять участие в издании, которое начало уже выходить (“Бесы” уже были напечатаны) и программа которого *была уже установлена*. Мы заявили, что хорошо было бы привлечь к этому делу большое количество лиц, распределить между ними отдельные томы и поручить каждому снабдить эти томы не только введением, но и примечаниями, необходимыми для иностранной публики. Мы имели в виду привлечь Булгакова, Волжского, Розанова, Бердяева и др. Из этого прожекта ничего не вышло <...> участие наше ограничивается всего кратенькими вводными предисловиями» (цит. по: [11. С. 248]). Действительно, Мережковскому принадлежат

---

¹ Именно это издание стало основой для небывалой популярности Достоевского в Германии в 1920–1930-е гг. и колоссального воздействия идей и образов русского писателя на европейскую культуру названных десятилетий.

лишь 4 введения к следующим последовательно выходящим томам: 13-му («Статьи о политике», 1907), 1–2-му («Родион Раскольников», 1908), 9–10-му («Братья Карамазовы», 1908), 7–8-му («Подросток», 1915). Львиная доля статей написана самим Мёллером ван ден Бруком.

Состав томов и содержание вводных статей определялись отнюдь не стремлением как можно более адекватно представить русского классика немецкому читателю, но философско-исторической концепцией вдохновителя издания Мёллера ван ден Брука. Его предисловия к каждому тому имели не научный, а публицистический характер. При этом знакомство с работами Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» и «Пророк русской революции» отчетливо ощущается во многих предисловиях немецкого критика к томам пиперовского собрания. «В своих вступительных эссе “коллеги по цеху” задалась целью не только передать свое отношение к творчеству Достоевского, но и раскрыть мысль о религиозной миссии русского народа. Мережковский продолжал развивать идею о грядущей гармонии духа и плоти, “истины неба и истины земли”; анализом “символического” и “чувственного” – западноевропейского и славянского мировосприятий – занимался А. Мёллер <...> Достоевский предстал в их интерпретации <...> как религиозный мыслитель и мистик» [12. С. 175]. Вообще «в целом ряде случаев прослеживается зависимость взглядов Мёллера от более ранних работ его старшего партнера. В определенном смысле Мережковский мог бы претендовать на соавторство с Мёллером в выработке немецкого мифа о “русской душе” и немецкой идеи “консервативной революции”» [13. С. 133], очертания которой возникали в предисловиях обоих критиков к пиперовскому Достоевскому с 1906 по 1919 г.

Сама последовательность первого издания и компоновка томов показывают, что немцы искали у Достоевского историософские ответы на вопросы, поставленные Русской революцией 1905–1907 гг. и войной 1914–1918 гг., в первую очередь – о путях и возможностях сохранения народной силы и энергии, народного духа с его мистико-мифологическим богатством, традиционно привязанным к родной земле, в условиях экспансии массовой буржуазно-либеральной городской цивилизации, приводившей цветущее многообразие исторических народов к общему знаменателю безликой меркантильности и бессильной, мелкой повседневности.

И здесь важнейшее значение приобретает ключевой для русской ментальности концепт «земля», имеющий как языческие, так и христианские коннотации. В интерпретации Мережковского очевидна, с одной стороны, актуализация языческих смыслов, которые переключались с популярным у немцев учением Ницше, с другой – мистико-хилиастических, которые способствовали разработке апокалипсического образа Третьего рейха как «тысячелетнего царства» на земле. Последнее предвляло концепции авторитетных в Германии 1910–1920-х гг. идеологов «консервативной революции»: А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера, близкого к ним в ту пору Т. Манна и др.

Помимо участия в немецком Полном собрании сочинений Достоевского в 1906–1919 гг., Мережковский с 1907 по 1938 г. выпустил в издательстве

«Пипер» 10 книг (см.: [14. С. 158–159]). Перечислим их в хронологическом порядке, взяв за основу год выхода первого издания:

1. Грядущий Хам. В пер. и с предисл. Харальда Хоершельмана. 131 с. Издания: 1907.

2. Царь и революция. Вместе с З. Гиппиус и Д. Filosoфoвым. 205 с. Издания: 1908 (дважды). Книга переведена с фр. Переводчик не указан. В этой книге Мережковскому принадлежит уже прежде опубликованная на русском языке статья «Революция и религия».

3. Юлиан Отступник: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 342 с. Издания: 1911, 1922, 1924, 1927, 1951.

4. Леонардо да Винчи: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 694 с. Издания: 1911, 1916, 1920, 1922, 1922, 1924, 1925, 1930.

5. Вечные спутники. Пер. А. Элиасберга. 372 с. Издания: 1915, 1919, 1922, 1924.

6. Александр I: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 535 с. Издания: 1917, 1925, 1947.

7. От войны к революции. Один невоенный дневник. Пер. А. Цукера. 176 с. Издания: 1918, 1919.

8. На пути в Эммаус: Сб. эссе. Сост. и пер. А. Элиасберга. 255 с. (Включая «Пророка русской революции», с. 42–92). Издания: 1919.

9. Петр и Алексей: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 549 с. Издания: 1924.

10. Франциск Ассизский: Историческое эссе. Пер. Э. Кэррик. 299 с. Издания: 1938.

В них концепту «земля» заметное внимание уделено в статьях «Грядущий Хам» (1905), «Пророк русской революции» (1906), «Революция и религия» (1907), а также в эссеистических сборниках «На пути в Эммаус» (статьи из русскоязычного сборника «Было и будет. Дневник 1910–1914», изданного в Петрограде в 1915 г.) и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917). Из романов о русской жизни, которые могли оказать влияние на деятелей «консервативной революции», о земле достаточно много говорится в «Алекса́ндре I» (1913). «Петр и Алексей» издан в «Пипер-ферлаг» только в 1924 г., когда концепция земли у идеологов «консервативной революции» уже была сформирована.

Конкретизируем понятие Мережковского о земле, встающее из перечисленных сочинений. В «Грядущем Хаме» – уже знакомая нам двойственность отношения: с одной стороны, как к «Святой плоти» («земля» и «народ» – одно из трех начал «духовного благородства», противостоящего «духовному мещанству»), с другой – как воплощению мещанского «серединного» царства бездуховности, насущных материальных нужд, обыденщины (в словах о «китайской неподвижности» «русской избы») (см.: [15. С. 25, 10]). В последнем случае «отрицание» земли как олицетворения «мещанства» и «хамства» у Мережковского – это, по сути дела, прозорливое предупреждение русского мыслителя о надвигающейся опасности «омассовленного атеистического сознания» [17. С. 146], захлестнувшего Европу XX в. Здесь Мереж-

ковский выступил предшественником идей О. Шпенглера о культуре и цивилизации, Х. Ортеги-и-Гассета о «восстании масс» и мн. др.

В «Пророке русской революции» обличается «ошибочное» видение Достоевским России как «святой Божьей земли <...> сырой земли-матери, которая там, на последней черте горизонта, соединяется со святым Божиим небом» [10. С. 122]. Реальная народная Россия, по Мережковскому, была носителем лишь языческих смыслов и русский крестьянин был христианином лишь по названию. «Только земля (курсив мой. – О.Б.)» [10. С. 142], без стремления к небу, достойна, по логике Мережковского, огненной апокалипсической гибели, так как является антитезой духу, движению, подлинной жизни.

Творчески развивая учение св. Иоахима Флорского о трех эпохах в развитии религии Святой Троицы (в последовательной смене эр Отца, Сына и Святого Духа), Мережковский в «Пророке русской революции» писал, что будущее «откровение Св<ятого> Духа – святая плоть, святая земля, святая общественность – теократия, церковь как царство, не только небесное, но и земное <...>» [9. С. 149]. Реальную же Россию, как и всякое «царство на земле», «историческое христианство» отдало «Князю мира сего» (см.: [17. С. 182]), т.е. Сатане. Софиологическую формулу Достоевского из «Бесов» – «Богородица – великая мать сыра земля есть» [18. С. 116] – Мережковский толковал в духе своей концепции Третьего Завета: это не наличная эмпирическая земля, но «Святая плоть» апокалипсического «тысячелетнего царства» во главе с Христом. Если Россия когда-нибудь и сможет достичь такого состояния, то только пройдя сквозь «смерч» «религиозной революции» (см.: [17. С. 212–213]), считал автор статьи «Революция и религия».

В беллетристической форме те же идеи о земле выражены в романе «Александр I». Сборники «Было и будет. Дневник 1910–1914 гг.» (1915) и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917) в целом варьировали уже изложенное.

Обрисованный круг мыслей о земле был по-своему воспринят и трансформирован внимательными немецкими читателями Достоевского и Мережковского – участниками движения «консервативной революции» конца 1910-х–1920-х гг., прежде всего Мёллером ван ден Бруком (помимо предисловий к Полному собранию сочинений Достоевского, в статье «Право молодых народов» 1918 г., книге «Третий рейх» 1923 г. и др.) и Шпенглером (в книге «Закат Европы» 1918–1922 гг. и др.). Отклик на них прозвучал и в выступлениях близкого в ту пору к консервативно-революционным кругам Т. Манна (в статьях «Русская антология» 1921 г., «Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше» 1924 г. и др.).

Главным концептом в идеологии германской «консервативной революции» была укорененная в земле, почве и объединенная общей кровью «нация». По Мёллеру ван ден Бруку, она должна была противостоять космополитичной массе безземельного, беспочвенного «пролетариата», «излишнего» на перенаселенной немецкой земле, путем приобщения его к национальным традициям и ценностям. Включение представителей «пролетарской массы» [17. С. 260] в «нацию» возможно посредством наделения землей тех территорий, которые будут захвачены немцами у других, «дряхлах» западноевро-

пейских народов, а также у России, народ которой должен уйти на Восток, в необозримые просторы Азии, принадлежащие ему по «праву молодого народа», как немцам – такому же «молодому народу» – бывшие русские земли в Европейской России (см.: [20. S. 10, 99–113]).

Историософский смысл мёллеровской «консервативной революции» – в попытке повернуть назад запущенный с конца XVIII в. развитием капитализма и либерализма в Европе процесс ведущей к тоталитаризму массовизации исторических народов, когда-то объединенных общим «преданием», неутилитарными метафизическими ценностями. Возвращение к национальным истокам – героической мифологии, самобытному языческому культу своей земли – должно было возродить расплывшийся национальный дух. «Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые погружаются в средневековое, сословное, мистическое состояние. Или даже еще глубже – в архаичное и мифическое состояние, в котором они ищут начала, каковые мы могли бы снова использовать. Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые предпочитают западничеству, прогрессу и цивилизации доисторические культуры», – писал Мёллер в «Третьем рейхе» [19. С. 355].

Это движение в Германии было начато еще во второй половине XIX в. Р. Вагнером и Ф. Ницше. Мёллеровский антипрогрессизм, по сути, то же ницшеанское «вечное возвращение», призыв к мифологическому циклическому миропониманию, основа которого – природный культ матери-земли. Вспомним известные слова ницшевского Заратустры: *«оставайтесь верны земле»*, его многократные призывы «любить землю», «смысл» которой – в рождении «сверхчеловека» [21. Т. 2. С. 8, 53–55].

В книге «Третий рейх» Мёллер, явно вслед за Мережковским, связал концепцию своего Третьего царства с учением средневекового монаха Иоахима Флорского, в котором вся история делилась на три части – эпохи Отца, Сына и Святого Духа. Третий Рейх, по мысли Мёллера, должен стать Царством Святого Духа, а принадлежащая ему земля, соответственно, «Святой плотью». Отсюда возвышение немецкого крестьянства как стержня нации. Третий рейх в представлении Мёллера ван ден Брука – это конечная цель «младоконсервативной революции» (явного коррелята «религиозной революции» Мережковского), воплощение хилиастической утопии о Третьем Царстве как «пророчестве» о единственно возможном «Абсолюте» [19. С. 363], противостоящем современной Мёллеру либерально-индустриальной цивилизации, породившей безликую массу.

Отличие от Мережковского здесь прежде всего в том, что Мёллер возвысил традиционный языческий культ матери-земли как национальную ценность, развив отвергнутую Мережковским в «Пророке русской революции» шатовскую концепцию земли и народа, создающего собственных, «почвенных» богов, которая была выдвинута Достоевским в романе «Бесы» как одна из идей Антихриста-Ставрогина. Реальное отношение Достоевского к народу нельзя назвать однозначным. Да, это «богоносец», но в то же время и «зверь», и даже «нигилист». Причем первое определение русского народа появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов («Бесы») и старец Зосима («Братья Карамазовы»), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: «человекобожеский» у Ша-

това и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о «богоносности» русского народа нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию (подробнее см.: [22]) и даже к язычеству. В структуре «Бесов» теория Шатова – одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставригиным – человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути дела – Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставригина – источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, «съеденного» этой идеей, свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана.

В концепции Мёллера произошло смешение шатовского языческого «народобожия» и мечты об универсальном «Царстве Божием на земле», что во многом и породило ее будущую востребованность нацистской идеологией в Германии. Впрочем, Мережковский также не делал различия между собственной позицией Достоевского и идеями его героя Шатова. Отсюда резкая критика автора «Бесов», прозвучавшая в статье русского эссеиста: «<...> Ставригин и Шатов, а вместе с ними, кажется, и сам Достоевский смешивают оба откровения («Человекобожества» и «Богочеловечества». – О.Б.) в соблазнительном учении о новом Израиле, русском народе-богоносце, в учении о народобожестве, которое есть скрытое человекобожество: делать Богом народ, или даже весь род человеческий, – такое же отступление от истинного Бога, как делать человека Богом» [9. С. 134]. Мёллер же, напротив, принял, как ему казалось, эстафету у Достоевского, на деле став пленником разоблаченной русским писателем «антихристовой» националистической идеи Ставригина, «съевшей» Шатова. Как справедливо заметил современный исследователь, «своей интерпретацией Достоевского Мёллер раскрыл некий взрывоопасный потенциал, который содержало послание о “народе-богоносце”. Об опасности такого прочтения Достоевского предупреждал не кто иной, как Д.С. Мережковский. В своей статье о “пророке” русской революции он указывал на заключенный в идеях Достоевского “соблазн”, поясняя, что проложенный им “единственный путь ко Христу Грядущему – ближе всех путей к Антихристу”, и подчеркивая опасность спутать то Царство Третьего Завета, о котором якобы пророчествовал Достоевский, с идеей обожествленного государства» [13. С. 136].

В знаменитой книге Шпенглера «Закат Европы» также чувствуется «русский след», в том числе и в понимании концепта «земля». Как известно, философ был внимательным читателем немецкого Полного собрания сочинений Достоевского с предисловиями Мёллера и Мережковского (см.: [23. С. 549]). В своем фундаментальном противопоставлении культуры и цивилизации (читай: народа и массы, или, по Мережковскому, «духовного благородства» и «духовного мещанства», «хамства» (см.: [15. С. 25]) Шпенглер нашел место для земли как собственности крестьянства лишь в «предкультурном» периоде национального развития: «...все великие культуры – культуры городские», но культ матери-земли – «<...> предварительное условие всякой культуры, которая опять-таки сама, подобно растению, вырастает из своего материнского ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве» [24. Т. 2.

С. 92]. Поэтому связанный с землей городской период, период культуры как таковой, – это состояние «народа», «нации». Безземельное кочевничество и поздняя городская (мегаполисная) беспочвенность – это, по Шпенглеру, состояния *до* и *после* культуры. Последнее означает период цивилизации, связанный с господством космополитичной массы. Шпенглер подчеркивал характерную для всех «высоких культур» «тесную привязанность к земле»: «...у всех выразительных образований этих культур имеется *родной ландшафт*, и, подобно тому, как город, храм, пирамида и собор *должны* также и завершить свою историю там, где возникла их идея, так и великая религия всякого раннего времени всеми корнями существования связана с той землей, над которой вознеслась ее картина мира» [24. Т. 2. С. 288].

Здесь, как и в случае с Мёллером ван ден Бруком, отчетливо просматривается аллюзия на шатовскую концепцию земли и порождаемого ею «почвенного», народного бога. Как и Мёллер, Шпенглер не воспринял «мережковского» отрицания земли, видимо, потому, что вслед за Ницше положительно отнесся к языческому субстрату национальной религии и отрицательно – к близкому Мережковскому христианскому универсализму. Тем не менее «совершенная культура» у Шпенглера очевидным образом связана с народным почитанием земли и, таким образом, соотносится с мёллеровским, а значит и «мережковским», идеалом Третьего царства. Однако в самой России, по Шпенглеру, культура как таковая еще не родилась, она все еще находится «в материнском лоне родной земли» из-за отсутствия на ней органически возникших городов. Поэтому Достоевский – «подлинный русский», в понимании автора «Заката Европы», – «был крестьянин», который «никогда не мог внутренне освободиться от земли». А Толстой, как «человек из общества мировой столицы», «несмотря на все свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел» [24. Т. 2. С. 199]. Неудивительно, что именно Достоевский – в основании будущей русской культуры и религии. Здесь налицо переосмысление тезисов ранней книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», где первый из русских гениев назван близким к земле «тайновидцем плоти», а второй – устремленным в небо «тайновидцем духа» (см.: [2. С. 142]).

В изложенной концепции так же, как у Мёллера ван ден Брука, не видно следов софийного понимания земли у Достоевского. Очевидно, что Шпенглер воспринимал автора «Бесов» сквозь призму Мережковского с его дихотомической оппозицией «злой» (эмпирической) и «святой» (хилиастической) земли, что не исключало полемического отношения к некоторым тезисам автора «Пророка русской революции».

Томас Манн прямо указал на огромное значение Мережковского для формирования собственных взглядов: «Дмитрий Мережковский! Самый гениальный критик и психолог мирового класса со времен Ницше! Мережковский, чья книга о Толстом и Достоевском произвела на меня в двадцать лет столь неизгладимое впечатление и чей тоже совершенно неподобный труд о Гоголе буквально ночует у меня на столе!» [25. С. 74]. А увидеть в Достоевском «глубокий и преступный лик святого» [25. С. 77] – явная аллюзия на характеристику Мережковского, данную великому русскому писателю еще в 1905 г.: «<...> бывший петрашевец и каторжник, будущая противоположен-

ная повесть реакционера с террористом, полубесноватый, полусвятой, Федор Михайлович Достоевский» [15. С. 19].

Связав влияние «русской души» на поколение немцев рубежа XIX–XX вв. с воздействием Ницше, Манн тем самым обозначил свою зависимость от взглядов Мережковского на землю. Ведь не секрет, что последний считал Ницше «человеком <...> неимоверной культурной и религиозной силы» [2. С. 142], который, будучи «совершеннейшим выразителем <...> антихристианской культуры» [2. С. 150], тем не менее «своими откровениями нового оргиазма, “святой плоти и крови”, воскресшего Диониса» указал на необходимость отказа от «исторического христианства» с его «аскетическим противоположением “чистого духа” “нечистой плоти”» и обращения к новой идее – «о мистическом единстве <...> равноценности, равносвятости Духа и Плоты» [2. С. 150, 148]. В «Л. Толстом и Достоевском» еще можно найти мысль о присутствии «Святой плоти» в учениях «бесконечно верных земле» «великих язычников» Л. Толстого и Ницше [2. С. 260]. Однако с углубляющимся обращением к христианству в 1900-е гг. Мережковский, как мы видели, от этих воззрений отошел. Кроме того, Манн практически отождествил Ницше и Мережковского в их стремлении к «новой религиозности, новому “смыслу земли”» и к «освящению плоти во имя “Третьего царства”», о котором говорил Генрик Ибсен в своей религиозно-философской драме¹ <...> Это царство – синтез просвещения и веры, свободы и оков, духа и плоти, “Бога” и “мира”. И нам кажется, что борьба за это “царство”, за новую человечность и новую религию, за оплощение духа и одухотворение Плоты <...> нигде не шла более отважно и искренне, как в русской душе» [25. С. 75]. Всячески приветствуя принесенную Ницше «радостную весть о новом завете между человеком и землей» [26. С. 114], Манн солидаризировался с «мережковским» учением о земле как «Святой плоти» в царстве Третьего Завета.

Итак, обращавшиеся к Достоевскому немецкие мыслители, связанные с течением «консервативной революции» конца 1910-х–1920-х гг., восприняли важнейший концепт великого русского писателя – «земля» – сквозь дихотомическое, распадавшееся на противоположности видение Мережковского, а не через цельное софийное истолкование Вл.С. Соловьева, Вяч.И. Иванова и С.Н. Булгакова. Понятие русского мыслителя о земле не только вошло в созданную ими мифологему Третьего рейха, но стало средством борьбы с массовым обществом – «грядущим хамством», по точному выражению Мережковского.

Литература

1. Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского. Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.
2. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 5–350.
3. Соловьев Вл.С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев Вл.С. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 3. С. 219–223.

¹ Имеется в виду драматическая диалогия Г. Ибсена «Кесарь и галилеянин» (1873).

4. Иванов Вяч.И. Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”» / публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 144–154.
5. Булгаков С.Н. Отдел второй. Мир. II. Софийность твари // Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. С. 329–431.
6. Богданова О.А. Мотив «отрицания земли» в критике и прозе русских символистов // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 238–255.
7. Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей: роман // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 319–759.
8. Лосский Н.О. История русской философии / пер. с англ. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.
9. Мережковский Д.С. Пророк русской революции: (К юбилею Достоевского) // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 120–152.
10. Мережковский Д.С. Земля во рту // Мережковский Д.С. Больная Россия: избр. Л., 1991. С. 189–200.
11. Из архива А.Г. Достоевской / публ. Э. Гарэтто // Минувшее: ист. альм. Вып. 9. М., 1992. С. 235–293.
12. Пчелина О.В. Д. Мережковский и А. Мёллер ван ден Брук: путь к Третьему царству // Электронный журнал «Вестник Московского гос. обл. ун-та». Философия. 2011. № 3. С. 173–181.
13. Алленов С.Г. Русские истоки немецкой “консервативной революции”: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 123–138.
14. *Garstka, Christoph.* Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E.K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie. Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigk. Frankfurt am Main [u.a.]. 1998. 170 S. = *Гарстка, Кристоф.* Артур Меллер ван ден Брук и первое немецкое собрание сочинений Достоевского в издательстве «Пипер» 1906-1919: с комментариями и вводными статьями Артура Меллера ван ден Брука и Дмитрия Мережковского, с использованием неизданных писем. Переводчица Е.К. Разин. С подробной библиографией. Предисловие Хорста-Юргена Геригка. Франкфурт-на-Майне [и др.], 1998. 170 с.
15. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 4–26.
16. Корецкая И.В. «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 136–149.
17. Мережковский Д.С. Революция и религия // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 174–212.
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.
19. Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А. Миф о вечной империи и Третий рейх / пер. с нем. А. Васильченко. М., 2009. С. 112–364.
20. *Möeller van den Bruck, Arthur.* Das Recht der jungen Völker. München: R. Piper, 1919. 120 S. = Мёллер ван ден Брук, Артур. Право молодых народов. Мюнхен: Р. Пипер, 1919. 120 с.
21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. / пер. с нем., сост., ред. и авт. примеч. К. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 5–237.
22. Бузина Т.В. Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Вып. 17. М., 2003. С. 110–124.
23. «Закат Европы» как закат патриархальной культуры?: (Переводчица Достоевского Лесс Кэррик в переписке с Освальдом Шпенглером) / вступ. заметка, пер. с нем. и примеч. Г.Е. Потаповой // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 548–588.
24. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
25. Манн Т. Русская антология // Манн Т. Аристократия духа: сб. очерков, статей и эссе / пер. с нем. С.К. Апта, В.М. Бакусева и др. М., 2009. С. 69–80.
26. Манн Т. Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше // Манн Т. Аристократия духа: сб. очерков, статей и эссе / пер. с нем. С.К. Апта, В.М. Бакусева и др. М., 2009. С. 111–114.

D.S. MERZHKOVSKY AND THE “CONSERVATIVE REVOLUTION” IN GERMANY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 108–121. DOI: 10.17223/19986645/43/8

Olga A. Bogdanova, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgabogda@yandex.ru

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Fyodor Dostoevsky, Piper Publisher, “earth”, “Conservative Revolution”, A. Möeller van den Bruck, Oswald Spengler, Thomas Mann.

The article considers an important aspect of Russian-German cultural relations – the participation of the outstanding Russian writer-symbolist Dmitriy Merezhkovsky in the activities of the renowned Munich publishing house Piper in the first third of the 20th century: first, as one of the editors of the *Complete Works* of Fyodor Dostoevsky in Germany (1906–1919); secondly, as the author of original works: novels, collections of articles and essays (1907–1938).

Interest in the works of Merezhkovsky in Germany arose in the wake of Dostoevsky’s enthusiasm, after the publication of the German translation of the critical-biographical study *L. Tolstoy and Dostoevsky* (1903). The mastermind of the German *Complete Works* of Dostoevsky Arthur Möeller van den Bruck wrote his conceptual prefaces to the volumes of the publication under the direct influence of the ideas of the talented interpreter of the great Russian writer, though differed with him in a number of judgments. Only four introductory articles in four volumes belong to Merezhkovsky. In fact, he can claim co-authorship with Möeller in the development of the German myth of the “Russian soul” and the “Conservative Revolution”, the outlines of which appeared in the prefaces of both critics to the Piper edition of Dostoevsky.

Special attention is paid to the analysis of the intercultural translation of the concept “earth”, key for the Russian mentality. Its ambiguous and multidimensional semantics in the works of Dostoevsky was interpreted in two ways by the Russian religious-philosophical thought: on the one hand, in the sophiological key (Vladimir Solovyov, Vyacheslav Ivanov, Sergey Bulgakov etc.), on the other hand, in the dichotomous one, tottering on the contrary vision of Dmitriy Merezhkovsky. Unlike adherents of sophiology who considered “fallen” empirical earth only as a temporarily distorted modus of its original sophistic perfection, Merezhkovsky had an ambiguous attitude to earth: negative – as a pagan element, hostile to true culture and therefore to be destroyed in the cleansing fire of the apocalyptic “religious revolution”; positive – as to the chiliastic “camp of God’s people” (Rev. 20: 9), as to the modification of the “Holy flesh” in the expected synthesis of paganism and Christianity of the coming Third Testament – the Kingdom of the Holy Spirit.

The presence of Merezhkovsky in the German cultural environment of the first two decades of the 20th century was noticeable; and such figures of the “Conservative Revolution” of the late 1910s–1920s as Arthur Möeller van den Bruck, Oswald Spengler and Thomas Mann embraced Dostoevsky and his myth of the “earth”, which is particularly strongly associated with the *Lame (Demons)* and *Alyosha Karamazov (The Brothers Karamazov)*, through the prism of Merezhkovsky’s opinions rather than through the integral sophiological interpretation of the followers of Vladimir Solovyov. The concept of the Russian thinker about the earth not only entered their mythology of the Third Reich, but also became the tool of struggle against mass society – the “upcoming” and then the “triumphant” “rudeness”, in Merezhkovsky’s words.

References

1. Kholikov, A.A. (2014) *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Merezhkovskogo. Tekstologiya, istoriya literatury, poetika* [Lifetime complete works of Dmitry Merezhkovsky. Textual criticism, literary history, poetics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Merezhkovsky, D.S. (1955) *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow: Respublika.
3. Solov’ev, V.I. (1911–1914) *Zametka v zashchitu Dostoevskogo ot obvineniya v “novom” khristianstve* [Note in Dostoevsky’s defense against the charge of “new” Christianity]. In: Solov’ev, S.M. & Radlov, E.L. (eds) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Works: in 10 vols]. 2nd ed. Vol. 3. St. Petersburg.
4. Ivanov, V.I. (1994) *Doklad “Evangel’skiy smysl slova “Zemlya””* [The New Testament meaning of the word *Earth*]. In: Obatnin, G.V. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1991]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

5. Bulgakov, S.N. (2001) *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Folio.
6. Bogdanova, O.A. (2015) Motiv "otritsaniya zemli" v kritike i proze russkikh simvolistov [The motif of "negation of the earth" in the criticism and prose Russian Symbolists]. In: Toporkov, A.L. (ed.) *"Vechnyye" syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* ["Eternal" themes and images in literature and art of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
7. Merezhkovsky, D.S. (1990) Antikhrist. Petr i Aleksey: Roman [Antichrist. Peter and Alex: A Novel]. In: Merezhkovsky, D.S. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.
8. Lossky, N.O. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Translated from English. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
9. Merezhkovsky, D.S. (2004) Prorok russkoy revolyutsii (K yubileyu Dostoevskogo) [The Prophet of the Russian Revolution (To the anniversary of Dostoevsky)]. In: Nikol'yukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.
10. Merezhkovsky, D.S. (1991) *Bol'naya Rossiya: Izbrannoe* [Sick Russia: Selected works]. Leningrad.: Leningrad State University.
11. Garetto, E. (1992) Iz arkhiva A.G. Dostoevskoy [From the archive of A.G. Dostoevskaya]. *Minushee: Istoricheskiy al'manakh*. 9. pp. 235–293.
12. Pchelina, O.V. (2011) D. Merezhkovskiy i A. Meller van den Bruck: put' k Tret'emu tsarstvu [D. Merezhkovsky and A. Möeller van den Bruck: the path to the Third Kingdom]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow State Regional University*. 3. pp. 173–181.
13. Allenov, S.G. (2001) Russkie istoki nemetskoy "konservativnoy revolyutsii": Artur Meller van den Bruck [Russian origins of the German "Conservative Revolution": Arthur Möeller van den Bruck]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 123–138.
14. Garstka, Ch. (1998) *Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E.K. Rahsin* [Arthur Möeller van den Bruck, and the first German collection of Dostoevsky's works in the Piper Publishing House 1906–1919: commentary and introductory articles of Arthur Möeller van den Bruck and Dmitry Merezhkovsky, using unpublished letters. Translated from Russian by E.K. Razin]. Frankfurt.
15. Merezhkovsky, D.S. (2004) Gryadushchiy Kham [The coming Savage]. In: Nikol'yukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.
16. Koretskaya, I.V. (1999) "Gryadushchiy Kham" Merezhkovskogo: tekst i kontekst [The coming Savage by Merezhkovsky: text and context]. In: Keldysh, V.A. et al. (eds) *D.S. Merezhkovskiy: mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: thought and word]. Moscow: Nasledie.
17. Merezhkovsky, D.S. (2004) Revolyutsiya i religiya [Revolution and religion]. In: Nikol'yukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.
18. Dostoevsky, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
19. Möeller van den Bruck, A. (2009) Tret'ya imperiya [The Third Empire]. In: Möeller van den Bruck, A. & Vasil'chenko, A. *Mifo vechnoy imperii i Tretiy reykh* [Myth of the Eternal Empire and the Third Reich]. Translated from German by A. Vasil'chenko. Moscow: Veche.
20. Möeller van den Bruck, A. (1919) *Das Recht der jungen Völker* [The right of young people]. München: R. Piper.
21. Nietzsche, F. (1996) Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. In: Svas'yan, K. (ed.) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from German by K. Svs'yan. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
22. Buzina, T.V. (2003) Pravoslaviye i propoved' istinnoy very: Dostoevskiy, Shatov i dukhovnye stikhi [Orthodoxy and preaching the true faith: Dostoevsky, Shatov and spiritual poetry]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 17. pp. 110–124.
23. Bagnò, V.E. & Malikova, M.E. (eds) (2010) "Zakat Evropy" kak zakat patriarkhal'noy kul'tury? (Perevodchitsa Dostoevskogo Less Kerrik v perepiske s Osvaldom Shpenglerom) ["The Decline of Europe" as a sunset of patriarchal culture? (The translator of Dostoevsky Loess Carrick in correspondence with Oswald Spengler)]. In: *K istorii idey na Zapade: "Russkaya ideya"* [On the history of ideas in the West, "Russian idea"]. St. Petersburg: Pushkin House, Petropolis.

24. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: V 2 t.* [Decline of the West. Essays on the morphology of world history: in 2 vols]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

25. Mann, T. (2009) *Russkaya antologiya* [Russian anthology]. In: Mann, T. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [The aristocracy of the spirit. A collection of articles and essays]. Translated from German by S.K. Apt et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

26. Mann, T. (2009) Prolog k muzykal'nomu prazdniku v chest' Nitsche [Prologue to a music festival in honor of Nietzsche]. In: Mann, T. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [The aristocracy of the spirit. A collection of articles and essays]. Translated from German by S.K. Apt et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.